

ВЫШЕ БОЛИ – 2. Рассказ сына

Предисловие

Миновало уже почти два года с тех пор, как моя жизнь сильно изменилась. Часы сливались в дни, дни – в недели, а недели – в месяцы...

И вот настал момент описать свои мысли, ощущения, эмоции – как-то устаканить все, прежде всего, для себя, и дать небезразличным людям понять и хоть как-то ощутить все, что творилось со мной и во мне в не самые светлые моменты начавшейся заново жизни.

В последнее время я часто задавался вопросом: «А если все повернуть вспять и убрать эту аварию из моей жизни? Пошел бы я на это?». И все чаще и чаще я прихожу к ответу, что «НЕТ, я бы не смог вычеркнуть этот момент из своей небогатой биографии». Столько эмоций, столько людей пришло и ушло, столько пережито...

Я надеюсь, что многие, прочтя этот рассказ, переосмыслят свои ценности, будут дорожить людьми, которые рядом, и поймут, что все может закончиться в одну секунду по никак не зависящим от тебя обстоятельствам.

Я постараюсь вложить в эти листы бумаги часть своей души, часть самого себя. Не судите строго, все это – сугубо личные мысли и переживания, которые никак не претендуют на объективность.

Глава 1. Турнир «Соппротивление»

Пожалуй, эта история берет свое начало именно отсюда.

В октябре 2011 года я тесно общался с одной девушкой. Обычная ситуация для молодого парня. И в начале ноября мы с ней и ее друзьями запланировали поездку за город – с пятницы 4 ноября по воскресенье 6 ноября.

За пару дней до запланированного выезда мне в контакт написал мой товарищ – Роман. Суть послания была в том, что 4 ноября, движение «Соппротивление» проводит турнир в городе Санкт-Петербурге по смешанным единоборствам для любителей, и они со знакомыми ребятами хотят посетить это мероприятие.

Поездка намечалась на два дня: с выездом 3 ноября днем и возвратом сразу же после окончания турнира 4-го в ночь. В легковой машине, на которой планировалась отправиться в путь, оставалось одно свободное место, и ребята предложили мне съездить вместе с ними.

Как раз тогда я начинал активно заниматься спортом, жить по режиму и потихоньку становиться человеком. Я написал Роману, что на выходные у меня уже запланирована поездка за город. Но последующие обстоятельства все решили по-другому.

На следующий день мы встретились с девушкой и решили остаться друзьями. Следовательно, поездка за город отменилась. Немного поразмыслив, находясь в некотором расстройстве, я принял решение не тухнуть эти дни в серой Москве и съездить в Санкт-Петербург на турнир.

Я набрал номер Романа. Объяснил ему, что планы поменялись и желание ехать у меня есть. Рома ответил, что человека на мое место уже нашли, но обратно из Санкт-Петербурга он не поедет – какие-то дела в Северной столице. Он предложил мне взять билет до Санкт-Петербурга на поезд, а обратно уехать всем вместе. Что, в принципе, я и сделал.

Третьего ноября на Ленинградском вокзале я сел на поезд, когда за две минуты до отправления зазвонил телефон. Это был Максим, водитель машины. Он быстро описал ситуацию, суть которой заключалась в том, что парень, который собирался ехать с ними, отписался, сославшись на неотложные дела в Москве.

Мне поступило предложение сдать билет и выехать всем вместе через пару часов, предварительно посетив общественную баню. Отметив для себя, что восемь часов до Санкт-Петербурга одному в пути не очень-то весело, я уже на автомате вышел из поезда. Быстро сдав билет, я спустился в метро, и доехал до серой ветки, где меня и подобрали ребята.

Мы попарились в бане и отправились в дорогу. Выехали где-то в 16 часов и доехали до Санкт-Петербурга ближе к двум часам ночи. Дорога туда, в принципе, прошла тихо, без происшествий, под повторяющиеся песни Михаила Круга.

В Санкт-Петербурге мы остановились у нашего общего друга Алексея, который любезно предоставил нам спальные места и горячий чай. Ночь прошла в полудреме. В 9 утра нас разбудил будильник. Мы встали, позавтракали и выехали на турнир.

В 10 часов начались взвешивания бойцов. Мы взвесились, зарегистрировались и стали дожидаться начала турнира. Выступив, мы стали собираться в обратную дорогу. Питерские товарищи предлагали остаться, но мы решили выехать сразу по завершению своих боев, чтобы пораньше вернуться домой.

Глава 2. Чудово

Последнее воспоминание о «нормальной» жизни у меня такое.

Маленькое придорожное кафе, коих миллионы, очень знакомых мне по выездным матчам «Спартака». Мы с ребятами ужинаем после тяжёлого, насыщенного дня, обсуждаем итоги соревнований.

Потом я выхожу на улицу, дожидаясь остальных. Легкий ветерок. Последние дни осени. Я строю планы, что тренировки надо сделать более интенсивными, больше заниматься. Приятная усталость, глаза слипаются. Мы садимся в машину, и я засыпаю...

Следующее, что я увидел – белый больничный потолок. Голова начала думать. Машина – больница – больница – машина. Значит, авария. На душе непонятное, тяжелое ощущение, что что-то произошло. Боль пока не дает о себе знать – видимо, сказалось действие наркотиков. Мысли такие: «Авария. Обычная авария, просто вырубил». И царство морфия затянуло меня обратно.

Снова сознание возвращается ко мне. Открываю глаза. Слышу голос Макса: «Паша!». Поворачиваю голову на голос. Понимаю, что лежать как-то некомфортно, неуютно.

– Паша, прости...

Я не понимаю. Я смог только сформулировать:

– Что случилось? Где мы?

– Авария, – единственный ответ, который я получил от него.

Снова сторонний звук, я поворачиваюсь. В дверях стоят медсестра и врач.

– Что со мной? – решил я хоть здесь докопаться до сути. – Что с моей ногой, я ее не чувствую?..

Справедливый, на самом деле, вопрос. Пришел он спонтанно, когда все же чувства дошли до моего мозга, и кроваво-красная простыня начала смущать мое сознание.

– Нет у тебя больше ноги...

Этот ответ почему-то разозлил меня.

– Нельзя так шутить, – выдавил я из себя, и меня снова вырубил.

Я не воспринял эти слова всерьез. Как это? У меня, который даже в больнице-то в жизни не лежал, никогда ничего не ломал, вдруг не стало ноги? Абсурд! С кем угодно, но только не со мной.

Снова открыл глаза. Повернулся к Максиму. Около него сидели ребята, Рома и Игорь, которые ехали с нами в машине, целые, и невредимые и что-то тихо обсуждали.

Что же такое произошло? Мысли не давали покоя. Ребята, заметив мое пробуждение, замолчали. Я протянул руку, чтобы поздороваться.

– Привет, Паш, – поздоровался Роман.

Его тембр голоса и мимика смутили меня. Было в них что-то жалостливое, печальное, что в обычной жизни за ним не замечалось.

Дальнейшего диалога не получилось, пришла медсестра и настоятельно попросила ребят удалиться.

Пользуясь моментом ясного сознания, я начал разглядывать палату – не больше 20 квадратных метров, почти все место занимали две койки – на одной лежал я, а на другой Максим. За спиной окно. И запах аптеки и спирта. Я посмотрел на Макса.

– Что случилось? – спросил я.

– Отбойник, – услышал я в ответ.

Тут я вспомнил слова врача про ногу. Первый раз я посмотрел на низ туловища. Меня смущали стесненные движения. Я увидел, что моя правая нога была прошита ниткой, на нитке висел груз.

С другой ногой была проделана аналогичная операция, но нитка уходила куда-то под простынь. Я решился приподнять простынь. От того, что я увидел, я, мягко говоря, был в шоке (слово тут другое, матерное, в оригинале). На месте ноги была какая-то масса, местами – темно-синяя, местами – темно-красная... Разорванная кожа. Я накинул простынь обратно и моментально отрубился.

Снова пробуждение, снова мысли: «Какое время суток? Да и какой вообще день? Понятия не имею». Состояние шока. Ощущение, что я сплю. Что все происходит не со мной, что сейчас обязательно кто-то разбудит и все будет по-прежнему.

Пытаюсь хоть что-то вспомнить, но память словно отключили. Только воспоминания о туннеле. О том пресловутом туннеле, о котором все пишут, говорят и показывают в фильмах. Не знаю, влияние ли это современного общества, наркотиков или моего

больного воображения, но я ясно помню этот темный туннель, и в конце него – ярко-белый свет. Я лечу из конца туннеля к свету, а на душе полная гармония, спокойствие, умиротворённость. Полное счастье...

Видимо, не долетел.

В палату заходит медсестра, и сообщает:

– Паш, твоя мама уже выехала, скоро будет здесь, – и вручает мне мой сотовый телефон.

«Как мама? Кто ей сказал?». С одной стороны радость, что рядом будет родной человек, с другой конфуз, стыд: «Как? А работа? А дорога? Как она? Как ее состояние? Как она увидит меня таким???»

Телефон. Смотрю на экран. Куча сообщений. Вопросительно смотрю на Макса.

– Все уже знают, на гесте написали (*прим. автора Oldsebatian.borda.ru, гостевая книга в интернете, на которой я общаюсь вот уже пятый год, с футбольной тематикой, где у меня множество друзей и знакомых*).

Открываю сообщения. Куча неизвестных номеров. Сообщение Дениса (мой старый и лучший друг): «Держись, брат. Ты еще бегать будешь. Как будет можно, сразу же приеду».

Следующее. Удивление. «Маша. Маша. Маша», – отзывалось в голове. «Маша, два с половиной года отношений. Маша, родившая мне сына. Сына, которого я даже не видел. Не видел по тупой

горделивости обеих сторон. Маша, с которой мы не общались и не виделись уже три месяца».

«Паша, мы тебя любим и ждем, поправляйся скорее, ребенку нужен отец».

Непроизвольно потекли слёзы. На долгие минуты я улетел из палаты в воспоминания о прошлом, о глупых ссорах и обидах. Насколько это все было мелочно и неважно!

Это было единственное сообщение, на которое я ответил.

Остальные сообщения я перечитывал, уже не вникая. Все они носили в себе одинаковый смысл и содержание: «Бодрости духа!», «Держись, все будет хорошо!», «Еще бегать будешь», «Мы с тобой». Безусловно, они меня в тот момент поддержали, придали сил. Но в голове крутилось и мозговалось только одно: «Ждут. Любят».

И я опять упал в темноту...

Я проснулся и попросил воды. Ее давали катастрофически мало, в маленьких, детских стаканчиках из аптеки, ёмкостью в 150 миллилитров. Потому просить приходилось часто, а много пить запрещали врачи, хотя жажда мучила.

О болях я в принципе писать не буду, потому как собственно не особо уже и помню. Но, если прочитать описанное моей мамой в первой части книги, можно сложить представление, какие эмоции я испытывал.

Мама

Двери в палату открылись. В нее зашла мама, и следом за ней – мой младший брат Дима. Я внимательно следил за ее лицом, чтобы уследить ее эмоции и не смог ничего разглядеть.

Ее лицо было каменным. Холодный, оценивающий взгляд. Ни слез, ни эмоций, ни жалости. Ничего. Как оказалось, свое она уже отрыдала.

Зато у меня все только начиналось. Чувство ребенка, который провинился перед матерью, огорчил ее. Слезы опять потекли сами собой. Даже сейчас, спустя почти 2 года, я пишу эти строки, но эмоции возвращаются, и ком встает в горле.

Я помню, что она обняла меня, и что мы о чем-то долго разговаривали шёпотом. Суть разговора мне уже и не вспомнить, но стало более спокойно на душе.

Маме про аварию написала Маша. Из разговора я еще усвоил, что много людей поднялось и объединилось, многие помогают и собирают деньги. Понял, что нас собираются перевозить в Санкт-Петербург. После этого у меня появилось желание поскорее перебраться туда, где ко мне смогут приходит друзья, и там будет проще.

Забавно вспоминать, какие иллюзии я питал.

Перевозка

Дни шли, и я либо был в отрубке, либо мне ставили капельницы и переливали кровь, или кололи наркоз. Я переписывался с Машей. Меня вдохновляла мысль взять сына на руки. Все последующие два месяца в больнице я ждал только этого.

Ярко запомнился момент, когда к нам зашел врач, и сказал, что сейчас нам будут вставлять катетер. Что такое катетер, я понятия не имел. Ну, думаю, сделают свое дело, да уйдут, как обычно. Зря я так думал.

Наркоза во мне было уже предостаточно, потому ребята в белых халатах решили сделать все а-ля натюрель. Взяли большую иглу, больше похожую на шило, и стали потихоньку втыкать чуть выше груди. Медленно так, давя собственным весом.

От удивления и боли, я, не понимая ситуации, выдал фразу:

– Что ж вы делаете, суки?

На что врач спокойным голосом ответил:

– Терпи! Понакачались, бля, иголка не пролезает.

Это действие занимает почетное второе место в моем хит-параде адских болей, составленном в больнице. Дальше вы узнаете, что было на первом месте в этом своеобразном хит-параде.

Со мной врачи по поводу моего состояния почти не разговаривали. Я узнавал все от матери. Состояние критическое, нужна перевозка в Санкт-Петербург – это все, что я тогда усвоил.

Аппетита у меня не было вообще. Есть не хотелось в принципе. Голода не было. Только жажда.

И вот, в один из таких серых дней к нам зашел врач и проинформировал, что сегодня нас будут перевозить в Санкт-Петербург. Точно будут забирать Макса, а меня – «по обстоятельствам». Я волновался, что останусь один в Чудово, уж очень хотелось уехать оттуда. В итоге, в конце дня врачи приняли решение везти и меня. Видимо, все было совсем плохо.

Ночью приехала частная бригада врачей из Питера, которая должна была нас перевозить. Началась подготовка к перевозке. Она включила в себя предварительное оперирование, у меня – свое, у Макса – свое.

Первым начали оперировать Макса. Между нашими кроватями поставили белую оградительную ширму, чтобы я не наблюдал за процессом. Макс укололи наркоз, и операция началась. Я не мог ничего видеть, зато я слышал. Это воспоминание одно из самых сильных за все время пребывания в больнице.

Спустя минут 15 наркоз подействовал, и операция началась. Стоит отметить, что Макс находился в сознании, он не спал. Я увидел, что за ширму передали инструмент, очень похожий на болгарку. И донесся характерный звук. Тогда я призадумался, а столь уж далеко вперед ушла медицина за последние века?

Звуки из-за ширмы доносились, мягко говоря, интригующие: скрежет железа, непонятные хлюпанья и переговоры врачей. Помню, со мной сидела медсестра, Кира. Я у нее спросил:

– А со мной тоже такое делать будут?

Она ответила: «Ты спать будешь», что меня, в принципе, не сильно успокоило.

И тут, из-за ширмы раздался голос Макса:

– Капитан, капитан, улыбнитесь
Ведь улыбка это флаг корабля!
Капитан, капитан, подтянитесь,
Только смелым покоряются моря!

Наверное, в первый раз за все эти дни я улыбнулся.

Когда с Максом закончили, принялись за меня. Что делали со мной, не помню. Очнулся я уже тогда, когда меня везли по коридору в Чудовской больнице. Рядом со мной шла мама. Меня погрузили в «скорую», и мы поехали. У меня была дикая температура, что-то в районе 42 градусов. Я успел написать сообщение Маше, и меня снова выключило.

Глава 3. Клиника военно-полевой хирургии (ВПХ)

Реанимация

Когда я очнулся, то не понял, где я. Я находился в большой комнате площадью около 60 квадратных метров. В правом нижнем углу стояла моя кровать. И по центру, «вверху» комнаты, стоял стол, за которым сидела медсестра. Все остальное пространство было свободно, если не считать аппарата рядом со мной, показывающего пульс и какие-то другие графики.

Я немного приподнялся и попросил у медсестры воды и обезболивающие. Спросил:

– Где мама?

– Это реанимация, сюда никого не пускают, – получил я исчерпывающий ответ.

Долгая, бессонная ночь. Жар. Вся простыня мокрая. Я развлекался, глядя на аппарат, его графики и цифры, – смотрел, до какого максимального уровня могут пойти цифры, показывающиеся на нем. 209 – мой личный рекорд.

На следующее утро меня повезли на операцию. Помню, как я заснул на операционном столе, а проснулся на своей койке с каким-то странным кругом на бедрах. Железным.

Представьте мое положение: я лежу на подушке, на плечах, и все остальное тело находится в каком-то негравитационном положении, его точка опоры внизу только одна – этот пресловутый, тяжёлый, железный круг. Спустя пару часов такого лежания, ты

начинаешь волей не волей чувствовать «легкий» дискомфорт и нервничать.

От безысходности по началу я тупо кричал и требовал снять с меня это говно. На меня просто не обращали внимание. Кстати, это испытание занимает у меня первое место в хит-параде адских болей.

Спустя какое-то время ко мне подошла медсестра и поставила под мышку градусник измерить температуру. План родился мгновенно. Я попросил воды. Как только мне ее дали, я открыл крышечку от детского стаканчика, в котором была вода, резким движением (резким, насколько это возможно в моем состоянии) выдернул градусник из подмышки, разбил его об этот железный круг, и вылил ртуть в стакан. Начал было подносить его к губам, но тут на звук подскочила толстая медсестра, выбила у меня из рук стакан и позвала солдата.

Стоит отметить, что в клинике ВПХ проходят службу солдаты-срочники, которые либо провинились, либо сами вызвались поработать в госпитале. Работа довольно неблагоприятная – выносить утки за больными, возить их на операции на каталке и прочие организационные мелочи. Зато «гражданка» ближе, еда вкуснее, и есть другие маленькие бонусы.

Меня привязали к кровати и продержали так всю ночь. Какой концерт я там дал! Крик стоял знатный.

На следующий день меня снова повезли в операционную. Я очень надеялся, что этот железный круг, наконец, уйдет из моей жизни.

На этой операции усыплять меня по неведомой мне причине не стали. Просто вкололи препарат, после которого я не чувствовал нижнюю часть тела. Ну, как не чувствовал... Не чувствовал именно ярко выраженной боли. Все остальное ощущал и слышал.

Когда я услышал стук молотка и по ощущениям понял, что в меня буквально «вбивают» железо, я не выдержал. Стал кричать, чтобы меня усыпили. Но, вместо этого мне вкололи еще одну дозу наркотиков.

Какая-то врачиха стала возмущаться, что я слишком кричу, и вообще это не больно. Сил вступить с ней в дискуссию у меня не было, потому я просто продолжил свое бессмысленное занятие.

Кое-как операция подошла к концу. Это было долгое для меня время. Меня стали вывозить из операционной. Находясь в сознании, я смотрел по сторонам. На настенном календаре я увидел, что сегодня 11 ноября. Это день рождения моей матери.

Меня повезли дальше. В коридоре у стены стоял мой отец. Я помню, что удивился. Дело в том, что он уже давно проживает за границей, и его появление меня сильно поразило. Он мне кивнул. Я изобразил что-то похожее на приветствие, и меня повезли дальше.

Меня провезли еще через какие-то двери, за которыми стояла моя мама. Она успела сказать только «Паша», и меня повезли дальше. Я стал умолять человека, который меня вез, повторяя только одно: «Остановите, у нее сегодня день рождения, пустите...». И снова слезы закапали сами по себе...

Еще одна долгая ночь, коих в реанимации всего было пять. Каждый день все шло по одному сценарию: операция, потом изоляция и разглядывание потолка.

В один день через одного солдата родителям удалось передать мне пакет с детским питанием и всякими гигиеническими принадлежностями. В пакете еще лежала пара личных записок от родителей, которые я мгновенно спрятал под подушку. В этот день меня «помыли». Меня поднимали и протирали влажными салфетками. Отвратная процедура.

Утро ничего не предвещающего дня. К моей кровати подошли около 10 врачей и начали совещаться, не обращая никакого внимания на меня. Разговор шел о моем переводе в общую палату. Точку в разговоре поставил какой-то врач, сказавший: «Я что, его из-за низкого гемоглобина буду в реанимации держать?». После чего все врачи удалились, а мне сообщили, что через два часа меня переведут. Я был очень рад этому, ведь общая палата означала, что рядом будут родители, что будут посещения, и что уже я не буду один.

Палата номер 21

Меня перевезли в палату номер 21, что находилась на втором этаже клиники ВПХ. Это помещение сразу заставило обратить на себя внимание. Огромная палата, высокие потолки, и ощущение, что ремонт там не проводился со времен блокады.

Вдоль стен располагались кровати, перемешанные в шахматном порядке с тумбочками. Места между кроватями хватало ровно на одну тумбочку. В палате лежало 11 человек, плюс у кого родственники, у кого посетители, и персонал.

Когда меня перевезли туда, я смог, наконец, вдоволь наговориться с матерью и отцом. Мы начали потихоньку «обживаться» на новом месте. Сразу в аптеке купили все необходимое – то, что рекомендовали соседи по палате: пеленки, лекарства, пену для мытья тела, подушку, специальный надувной матрас (дабы избежать образования пролежней на теле), медицинский чулок для здоровой ноги, чтобы кровь циркулировала, так как ей предстояло долгое время находиться в неподвижном состоянии, и еще кучу разной необходимой мелочи.

Мне все также продолжали переливать кровь, и даже был организован ее сбор, на котором больше 20 человек сдало кровь для меня.

Мне все также ставили капельницы по 10 раз на день. И началась новая крайне неприятная для меня процедура – перевязки. Каждый день к моей кровати подъезжала каталка. Меня туда перекладывали с помощью простыни и отвозили в перевязочную. Врач снимал повязки (что было самым болезненным для меня, ибо бинты прилипали к мясу, и сдирать их было очень неприятно), обрабатывал рану, и заматывали снова. И так каждый день, 45 дней подряд.

По-прежнему я не ел – не было желания, и у меня была постоянная депрессия. Я лежал и смотрел на пожарную сигнализацию на потолке. Я мог пролежать так часами, днями. Мне не хотелось говорить. Мне хотелось, чтобы все это кончилось. Неважно как.

Люди, узнавая, что меня перевели, стали приходить навещать меня. Почти каждый день кто-то приходил и что-то приносил. «Что-то» обычно заключалось в набитом пакете фруктов, конфет, соков.

Типичный «сухпоёк» больного. К выписке из больницы у меня скопились изрядные запасы, которые впоследствии даже пришлось раздать по палате, потому что увозить их с собой не было возможности.

И здесь хочу добавить пару слов о детском питании. Ладно, фруктовое пюре. Но, овощные и мясные блюда?! Как дети едят это?.. Я не понимаю. Я плевался от этой безвкусной блевотины.

Я помню самое первое мое посещение. Из Москвы ко мне приехал мой друг, Степан. Это был первый близкий человек, помимо родителей, которого я видел после аварии. Когда он зашел, поздоровался, и родители отошли немного в сторону, чтобы мы пообщались, первое, что я ему сказал: «Найди мне пистолет».

Я очень просил его это сделать опять со слезами на глазах. Он выслушал меня, но ничего не сказал. Немного посидел и ушел. Второй парень, пришедший с ним, не смог выдержать и 5 минут в палате. Он сказал: «Я подожду в коридоре», и ушел из палаты. Вообще, больничная палата – тяжелое место. Психологически.

Когда к тебе кто-то приходит в больницу и твое состояние очень плачевное, все происходит крайне неловко. Люди просто не знают, что тебе сказать. И я их понимаю. Стандартное «Крепись», «Бодрости духа», «Все будет хорошо» и «Ты еще бегать будешь» как-то приелось. Я очень старался пропускать это мимо ушей.

Либо все развивалось по другому сценарию. Человек садился рядом и просто молчал. Просидев 20 минут, поднимался, прощался и уходил, считая, что миссия выполнена. Часто приходили люди

абсолютно мне не знакомые – люди, которые вертелись в тех же кругах что и я. Так я приобрел еще нескольких друзей.

Степан привез мне мой ноутбук. Теперь, вместо разглядывания пожарной сигнализации, я весь день смотрел в экран монитора. Благодаря современным технологиям и компании «YOTA» у меня в палате был вполне недурной интернет.

Я, наконец, посмотрел, что там творилось за время моего отсутствия, и начал общаться с друзьями. Я перечитал все темы, где упоминалось обо мне. Ответил всем, кто за меня переживал, а таких было очень много. Я подчеркнул, что я не один на этом свете. Очень удивило количество людей, которые не остались в стороне. Коротать время стало интереснее, но все равно приятного было мало.

Родители находились со мной круглосуточно. Политика медицинского учреждения была такова – за больными ухаживают родственники. В результате, днем со мной сидела мама, ночью – папа.

Как раз в это время я и познакомился с фантомными болями. Фантом, в переводе с французского – призрак. Это очень интересное ощущение. У тебя болит / чешется то, чего у тебя уже нет. У меня не стало ноги, соответственно болела нога.

Ощущение такое: тебе кажется, что у тебя болит пятка, из-за того, что она затекла, находясь в одном и том же положении. Но ее нет, и ты ничего не можешь сделать. Тебе остается просто лежать и терпеть.

От фантомных болей меня лечили сильными таблетками и как-то раз даже попытались иглоукалыванием, но после одного сеанса и моей реакции на него, передумали.

Впоследствии фантомные боли ушли. В какой момент и как это произошло, я не помню. Сейчас, иногда, они возвращаются, но в виде того, что чешется то место, которого нет. Но это уже не страшно.

Распорядок больничного дня, я думаю, многим знаком. В 7 утра подъем и завтрак, утренние замеры температуры, завтрак, сбор анализов на кровати (у особо тяжелых), утренний обход, капельницы, перевязка. Обед в 14 часов, потом посещения, капельницы. В 20 часов ужин, и в 22 часа – ночное снотворное и обезболивающие.

Были дни, когда я очень ждал ночного обезболивающего, потому что знал, что после него меня «выключит», и я не буду чувствовать боли. Это в самые плохие дни.

В больнице очень плохо спится. Не спокойно, не сладко. Бывает, что просыпаешься ночью оттого, что снотворное прекратило свое действие, и не можешь уснуть. Бывает – от боли. Хорошо, если с тобой рядом кто-то есть. А если нет, то ты предоставлен сам себе.

Соседи по палате

Теперь о соседях. За время моего нахождения в клинике, состав палаты по моим подсчетам успел измениться три раза. Людей привозили в нашу палату – людей увозили. Больше всего мне, конечно, запомнился первый состав палаты.

Люди были разные, расскажу о самых ярких моих воспоминаниях.

Хочу отметить, что в палате 50 процентов людей лежало в связи с дорожно-транспортными происшествиями. Из этих 50 процентов, 80 процентов были сбиты на дороге, и всего 20 сами во что-то въезжали, или в них въезжали.

Еще 40 процентов пациентов палаты лежало из-за падения с высоты. Кто-то сам прыгнул, кто-то с крыши упал, кто-то в шахту лифта, кто-то со стремянки наобнулся.

Также, по моим наблюдениям, чем выше была высота падения и выше степень опьянения, тем меньше последствия. Так, человек, выпрыгнувший с 7-го этажа бухим, отделался смещением позвонка, и через 3 дня уехал домой. А человек, упавший со стремянки абсолютно трезвым, получил переломы чуть ли не всех конечностей, и пролежал в больнице больше месяца.

Итак, со мной лежало много людей, вот некоторые, самые интересные жизненные истории.

Слева от меня лежал дядь Саша. Его сбила машина, когда он переходил дорогу, ему перебило таз и ноги. При этом он сильно ударился головой, из-за чего она у него временно нестабильно функционировала. Он мог посреди ночи встать (с перебитыми-то ногами и аппаратом Елизарова на тазе) и сказать, что он идет домой.

Иногда, ему казалось, что он на войне. С ним поочередно сидела его жена, тетя Ира, и две его дочки, Вера и Катя, с которыми мы впоследствии сдружились и общаемся до сих пор.

С дядь Сашей мы периодически разговаривали на всякие отдаленные темы.

Напротив лежал мужчина непонятной национальности, имени его я не помню. Он почти не разговаривал, да и с русским у него были явные нелады. Его сбила электричка. Итог – полностью раздроблена нога и поврежден таз. Это был единственный обитатель палаты, который был в ней раньше моего заезда, и остался в ней позже моего выезда.

Сложность его ситуации заключалась в том, что врачи дали ему выбор. Либо ему ампутируют ногу, либо ее «чинят». Почему я написал «чинят»? Лечить – это не правильно назвать. План врачей был таков: во всю ногу вставить железную спицу. Нога больше не будет сгибаться, ее возможно только волочить за собой.

«Починка» включала в себя бесчисленные операции по пересадке коже, костей (!!!), вставке спиц и много того, о чем я мало знаю. При ампутации, он был бы в строю через полгода – год. Он выбрал вариант с сохранением ноги. По самым скромным подсчетам – это в районе полутора лет больницы. Это его выбор, и я не знаю, как бы поступил на его месте кто-нибудь другой.

И один постоялец мне сильно запомнился. Он заехал резко, сам перескакивал с койки на койку. Я обратил на него внимание. У него недоставало пары пальцев на руке, и было несколько ссадин на лице.

Как принято в больнице, все делятся своими историями. Его история была такова. Он сидел у себя в офисе, где-то в центре Питера, пил утренний кофе и читал почту. Взял в руки конверт, и когда начал его открывать – тот взорвался. Емко и сухо. Минус пальцы. Правда, из больницы его выгнали за пьянство через день.

Одного человека я даже ни разу не видел, но он тоже остался для меня частью больницы. Это была женщина, лежавшая в женской палате. Она выходила из комы третий месяц. И каждый день мы слышали, как она из нее выходила. Это были просто истошные крики. Жуткие.

Но, человек привыкает ко всему, и к ней со временем все привыкли, не обращая совершенно никакого внимания. Только новые постояльцы иногда тревожно поглядывали на стену, когда слышали этот новый для них звук.

Все из медперсонала клиники мне рассказывали одну и ту же историю, ставшую, наверное, легендой в этой больнице. Про парня, которого растерзал медведь и которого на вертолете буквально по частям транспортировали сюда. И за 2 года «собрали». Говорят, что после он женился, купил машину и живет дальше.

Вся эта история мне виделась в очень скептических красках, как пустой разговор ни о чем, как что-то неопределенное, как красивая сказка. Но, говорят, что это правда.

О морфине, эвтаназии, гемоглобине и целях

При перевязках мне казалось, что я слишком много кричу и уповаю на боль. Мне это не нравилось и смущало. Поэтому я как-то спросил у врача, как вообще я реагирую и был кто-то хуже меня? На что мне врач ответил, что ты орешь по боли, по делу, а вот южане – выходцы с южных республик – орут и ноют при малейшем прикосновении, что больно им, что нет.

Вообще, в больнице я очень часто сетовал на то, что медицина 21 века не так далеко ушла от медицины 18 века, или даже деградировала. Тогда пользовался популярностью морфин и опиум, а сейчас тот и другой запрещены.

Мне вот интересно, сами инициаторы такого законопроекта, что-нибудь знают о боли? Тем более, что в Европе морфин колют беспрепятственно, по первой просьбе, и при мало-мальской, даже незначительной операции. А у нас он запрещен.

И еще. В больнице я стал ярким сторонником эвтаназии. Нужно дать возможность человеку самому определять свою судьбу! Вы не можете ощущать то, что ощущает нездоровый человек. Нельзя заставлять мучиться людей, обреченных на смерть.

Шли дни, а есть, по-прежнему, не хотелось. Гемоглобин все падал и падал. Как-то созвали по этому вопросу коллегия врачей, которая решила вопрос кардинально. Мне просто сказали: «Если ты сейчас не начнешь есть, мы просто сделаем дырку в животе, и вставим в желудок трубку, через которую и будем тебя кормить».

Мне эта идея очень не понравилась и я попросил родителей принести еды из ближайшей кафешки. Мяса и картошки – как сейчас помню. Я пересилил себя. Я ел. Вкус, конечно, оставлял желать лучшего. Я тогда сразу попросил маму приготовить мне на завтра плов. Его я любил. Вкусы детства, сами знаете. На следующий день она мне его принесла.

Я ел только то, что могло поспособствовать скорейшему поднятию гемоглобина в крови: морковь, говядину, гранатовый сок...

И добился результата. Его уровень в крови с каждым днем поднимался все выше и выше.

Странно, но в те дни я ел очень много сладкого, хотя к нему по жизни отношусь очень и очень спокойно. Основной мой рацион составляли батончики «Киндер Молочный ломтик», которых за время нахождения в стационаре я съел великое множество. Ну, и фрукты конечно. Груши, виноград, в основном.

Дни все шли, шли, и я все грезил мечтами о том, как вернусь «домой», хотя не до конца понимал, что же я там буду делать. Просто я знал, что «дома» лучше, чем здесь. У меня была цель, у меня был смысл – уехать из больницы до наступления Нового года.

Вообще, у человека всегда должна быть цель, ближняя или дальняя, смысл, хоть что-то. Будь то поездка куда-нибудь или достижение чего-либо, покупка машины или соревнования, неважно что: цель, смысл или самосовершенствование. Иначе жизнь кажется скучной, однообразной, невзрачной, лишенной всякого смысла, появляются плохие мысли, начинается депрессия, становится жалко себя. Всегда нужно стремиться к саморазвитию, заниматься спортом – вот залог того, что ты будешь двигаться в правильном направлении и русле.

Потихоньку я начал находить информацию о новой для себя жизни, о жизни с трудностями. Я смотрел видеоклипы в интернете, как люди живут парализованные, без рук, без ног, что такое протез, как учиться ходить, сколько это все длится? Тогда мне казалось, что это безумно долго. Я думал, что пролежу в больницах еще год.

В один прекрасный, ничем не примечательный день, двери в мою палату открылись, и в нее вошел Роман Павлович Зенцов с еще двумя активистами «Сопротивления». Все, что я тогда сказал: «О, Роман!».

Я хотел познакомиться с этим Человеком с большой буквы уже очень давно. Он являлся и является для меня примером мужества, доброты и воли. Потому его приход поставил незримую черту в моем депрессивном настрое и зародил саженцы, которые впоследствии успешно взошли, веры в то, что все еще будет, и жизнь на этом не закончилась.

Мы достаточно долго беседовали с глазу на глаз, формат и концепцию беседы на общее обсуждение выносить не буду, но помню одну его реплику: «Никогда не считай дни. От этого только тяжелее».

Мудрый совет, но я легких путей не искал. И действительно, намного тяжелее.

Без той поддержки, моральной, координационной и финансовой, которую оказывали и, что самое главное, оказывают братья по Сопротивлению» и лично Роман Павлович, я глубоко убежден, что моя жизнь не приобрела бы такой светлый оттенок.

Даже сейчас, когда вроде бы все самое худшее осталось историей, и лишь главой, пусть и основополагающей моей жизни, Роман, не смотря на свой плотный график, находит время набрать мой номер, и поинтересоваться моими делами. Спасибо! Огромное спасибо!

Решающая операция

Серые петербургские дни плыли, больничная еда вкуснее не становилась.

Пришла пора отцу возвращаться к семье, во Францию. Я очень этого не хотел. Но, ему надо было выходить на работу. И так произошла задержка на неделю. Попрощались, договорились, что как только я выйду из больницы, мы оформим необходимые документы, и поеду протезироваться во Францию, что вселяло определенную надежду.

Мама осталась одна. Ей стало в два раза тяжелее, и она нуждалась в отдыхе. Она сидела со мной весь день и уходила только ночью, хотя бы поспать и помыться. Иногда она оставалась на ночь после операций, когда мне было очень худо.

Мне каждый раз очень не хотелось, чтобы она уходила, но было ее безумно жалко, потому иной раз я просил, чтобы она поехала поспать, отдохнула. Те ночи, когда ее не было рядом, были самыми трудными и беспокойными.

Мне сделали трехмерный рентген таза, и сразу все вокруг вдруг зашевелилось, воздух наполнился тяжелой пеленой ожидания. Маму подозревали врачи, объяснили, что и как. Мама обрисовала ситуацию мне. Все, что я ухватил из объяснений, было обрывочной информацией: внутренний кровоизлияние в тазу, ждать больше нельзя, очень дорогая и сложная операция, шансы 50 на 50.

«50 на 50... 50 на 50...» – отдавалось в голове. – «Рулетка. Win or die».

Не знаю, что двигало мой рассудок тогда – моральная слабость или изнеможение, страх перед смертью или страх перед жизнью. Как только мама ушла в ночь перед операцией, у меня началась истерика, я просто бессильно рыдал. Я старался прикрывать свое лицо полотенцем, чтобы не было стыдно перед остальными постояльцами палаты.

Следующее утро началось, как обычно. Дерьмовая еда, которую все равно перед операцией мне нельзя было есть, все те же лица в палате, и ощущение непричастности к этому миру. Все мое существование в чужих руках...

Пришла мама. Она сказала вслед увозящей меня каталке, что все будет хорошо.

Операционный стол. Стандартные иголки в вене, стандартный запах спирта и стандартная трубка во рту. «Дыши глубоко...» И провал.

Сознание ожило... Со мной явно что-то происходит. Где я? Почему я не могу нормально дышать? Что за трубка во рту? Что за голоса? Что со мной делают? Открываю глаза.

Самое плохое в том, когда ты просыпаешься во время операции – что ты не можешь ничего сказать и практически сделать. Ты невероятно слаб.

У меня не было ни малейшего желания «присутствовать» на своей операции. Потому я собрался с силами и сделал максимум, что мог на данный момент – я поднял руку вверх. И моментально уснул.

Когда проснулся, услышал стандартное – «проплюйся», и почувствовал очень неинтересное вытаскивание трубки из горловины и дикий холод в теле. После – четыре часа реанимации и просьбы к санитарам увезти меня обратно в мою палату.

И вот, наконец, моя палата. Я жив, а, значит, борьба продолжается.

Операция прошла успешно, таз «починили». Неделю после операции я жил на обезболивающих. Две недели после операции держалась высокая температура, которая вызывала у меня крайне негативные эмоции. Я по жизни жару не люблю, а тут такое. С утра все в норме, а к полднику зашкаливает, и так каждый день, в течение двух недель.

Основную операцию завершили, но вторую ее запланированную часть сделать не успели. Слишком тяжело все прошло. Планировалось выполнить пересадку кожи с бедра здоровой ноги на открытую рану. Но в итоге, это я проделал уже по возвращению в Москву, хотя в Петербурге была предпринята инновационная попытка пересадки кожи, которую применяют в Америке людям, получившими сильные ожоги.

Ее суть сводится к тому, что у человека берут образец кожи (вырезают скальпелем маленький кусочек) и отправляют в лабораторию, где ее множат и выращивают до нужного количества. Выглядит готовый материал как кусочки медузы по консистенции, но розового цвета. После эти маленькие кусочки накладывают на необходимое место, забинтовывают и ждут, пока начнется взаимодействие, и частицы срастутся. Со мной проделали

эти манипуляции, но, не прокатило. В итоге пришлось делать по старинке – резать и сажать.

Во время того, как я страдал повышенной температурой, мне в голову пришла гениальная идея побриться налысо. Во-первых, мне было жарко, и я справедливо считал, что волосы придают дополнительное тепло моему итак ни разу не холодному телу.

Во-вторых, к тому моменту я уже оброс весьма интересной бородой, и мне казалось, что это будет смотреться очень эстетично. Маме я аргументировал свое решение тем, что в армию я все равно уже не попаду, а возможность побриться мне вряд ли представится, и надо пользоваться случаем.

В палате, собственно, стричься запрещено, но для меня сделали исключение. Я попросил у своего друга, уже можно сказать родственника, Лехи принести мне машинку для стрижки волос, и мама меня «побрила». Мне понравилось. Врачам вроде тоже.

После операции все загорелись идеей поставить меня на ноги. Резко. Все считали, что мне нужно вставать, чтобы мышцы вконец не атрофировались и я смог ходить на костылях, потихоньку возвращаясь к цивилизации. Мне эта идея не нравилась. Мне вообще мало какие идеи тогда нравились. Я просто хотел, чтобы меня не трогали. Но они настаивали, все были заодно и меня не спрашивали.

И вот, в один прекрасный день, когда я бороздил просторы Интернета, ко мне подошла женщина. Представилась специалистом по ЛФК и подниманию на ноги людей после операций. Это меня сразу насторожило. Не все тут чисто, подумал я.

Костыли мне к тому времени привезли аж с Москвы, и уже второй месяц они простаивали около кровати. И вот эта самая женщина уверенно заявляет, что сейчас меня поставят в горизонтальное положение. Начался инструктаж: «Скидываешь ногу на пол, опираешься на меня, встаешь, и мы тебе даем костыль».

Сказано – сделано. Я с трудом берусь описать ту гамму чувств, которую я испытал в вертикальном положении, спустя два месяца неподвижно-горизонтального нахождения. В глазах стремительно темнело, воздуха не хватало, из недр моего тела доносились рвотные порывы.

На кровати я оказался раза в два быстрее, чем вставал. В этот день я наотрез отказался от дальнейших экспериментов. Но в последующем систематически повторял это упражнение при помощи других людей. Уже, конечно, с менее жесткой реакцией.

Глава 4. Возвращение

Приближался Новый год, а надежды вернуться «домой» на праздник казались все более призрачными. Оставалось доделать поломанную руку и пересадку кожи.

Мы с мамой начали размышлять. Обе операции можно проделать в Москве. Я уже транспортабелен. Утрировано, конечно. Тогда, я принял решение взять билеты на вечерний поезд в Москву на 30 декабря, что мама и сделала.

На следующий день к нам подошел врач и сказал, что операция на левой руке состоится завтра, и чтобы почти открытый перелом быстрее сросся, в кость руки решили вставить титановый штырь.

До поезда оставалась неделя, и проблем по идее возникнуть не должно, рассудил я.

Мы получили «генеральное» согласие от врачей на то, чтобы покинуть больницу, продолжив лечение в Москве. Здесь оставалось перенести только одну операцию.

Уже в десятый раз меня погрузили на каталку и повезли в операционную. Усыпили традиционными методами, и я погрузился в царствие Морфия. И снова проснулся в самый неподходящий момент. Видимо, организм уже потихоньку стал вырабатывать иммунитет к наркозу. Опять не хитрые манипуляции с подъемом второй руки, и мне дают еще немного сна в вену.

Операция прошла успешно, только вот отходил я от нее до самого отъезда. Рука долго привыкала к чужеродному объекту и всячески болезненно давала мне об этом знать.

И, наконец, настал тот миг, тот час. Я проснулся утром, 30-го, и до самого выезда из больницы не особо верил, что меня отпустят. Все ждал, пока не подойдет какой-нибудь врач и не скажет: «Нет, ты никуда не едешь, твое состояние ухудшилось».

Мама упаковывала наше имущество, а я лежал и ждал часа X. Сумок набралось очень много, и нам пришлось попросить ребят помочь с багажом. Вызвали частную скорую. Попрощались со всеми в палате, раздали остатки еды всем достойным и поехали.

Первое, что я сказал, когда меня выкатили из больницы на улицу, было слово «Воздух». Действительно, столь банальная штука, а так приятно. Свежий, декабрьский морозный воздух. Его не хватало.

Потом, уже в салоне «скорой», я через окошечко разглядывал «нормальную» жизнь и нормальных людей. На вокзале нас провожали человек 10 самых близких людей. Проводы были запоминающимися, с детским шампанским и мандаринами вокруг каталки на Ладожском вокзале.

Меня с большими усилиями погрузили в поезд, и мы тронулись. И я, наконец, сделал то, о чем говорил весь день. Заказал в вагоне ресторане борщ, чеснок, хлеб, жареную картошку и свинину. И через силу все съел... Спал в ту ночь я крепко.

Рано утром наш поезд прибыл в Москву. Там нас встречала группа людей, которые вызвались помочь. Меня «вынесли» из вагона, положили на каталку и снова погрузили в коммерческую «скорую», и мы тронулись в сторону Машиного дома.

По дороге я разглядывал еще не проснувшуюся Москву... Полупустые дороги... И ждал встречи с сыном...

Санкт-Петербург, 2013 год

Эметт Сноу (Emett Snow)